

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2018-5-3-10>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИНИМИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ И ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

Н. В. Мамитова, Д. Р. Ахматова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Коррупция, ее масштабы, специфика и динамика – следствие общих политических, социальных и экономических проблем страны. В настоящее время Россия переживает не просто модернизацию, а коренную ломку общественных, государственных, экономических, социальных и психологических устоев. Таким образом, объективно существует научная и практическая потребность во всестороннем изучении проблем противодействия коррупции. Коррупционные правонарушения выступают дестабилизирующим фактором в деятельности общества и государства. Они оказывают негативное влияние на государственное управление и в целом на общественные отношения. Коррупция ослабляет экономический рост страны, снижает доверие граждан к власти. В статье исследуются новые технологии, которые внедряются в рамках цифровой экономики и рассматриваются как инструменты минимизации коррупции. В ходе написания статьи были использованы методы теоретического исследования, такие как анализ и синтез. Авторами дается определение смарт-контракта, описываются основные преимущества его использования в контексте борьбы с коррупцией. Также рассмотрены основные проблемы, возникающие при правовом регулировании статуса блокчейн. Блокчейн-технология позволяет учитывать все материализованные противоречия различных сфер общественной и государственной деятельности, являющиеся базисной основой, на которой произрастает коррупция, распространившаяся практически на все государства мира. Авторами предложены пути и способы решения данных проблем.

Ключевые слова: смарт-контракт, коррупция, блокчейн, криптовалюта, цифровая экономика.

APPLYING TOOLS OF DIGITAL ECONOMICS IN VIEW OF CORRUPTION RISK MINIMIZATION AND ANTI-CORRUPTION CONSCIOUSNESS SHAPING

Natalia V. Mamitova, Jamilya R. Akhmatova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Corruption, its scale, specificity and dynamics arise from general political, social and economic problems in the country. Today Russia is not passing only through a process of modernization but a drastic restructuring of public, state, economic, social and psychological foundations. Therefore, we can observe a scientific and practical need in studying issues of corruption counteraction. Corruption offences act as destabilizing factors in society and state functioning. They exert adverse affect on state governance and on public relations in general. Corruption holds back the economic growth of the country, reduces people confidence to the authority. The article investigates new technologies, which are being introduced within the frames of digital economics and considered as tools of corruption minimization. Such methods as analysis and synthesis were used. The authors provide the definition of the smart-contracts and describe their basic advantages in view of fight against corruption. At the same time key problems arising at legal regulation of block-chain status are discussed. Block-chain technology provides an opportunity to take into account all materialized contradictions in different spheres of public and state life, which form the foundation for corruption, which proliferated actually in all countries of the world. The authors put forward their suggestions dealing with methods and ways of resolving the problem.

Keywords: smart-contract, corruption, block-chain, crypto-currency, digital economics.

Традиционно считается, что избавиться от коррупции удастся, только изменив само общество и институты. Однако в современных условиях глобализации и перехода к информационному обществу перед государством открывается новый путь – внедрение компьютерных технологий в сферы, наиболее подверженные коррупции.

Отличительной чертой современного общества является резкое возрастание потребности в формировании качественно новых автоматизированных систем сбора, хранения и анализа информации. Эта потребность наблюдается не только в экономическом секторе, но и в сфере государственного и муниципального управления, политических технологий. Необходима активная цифровизация всех сфер жизни, особенно важны научные исследования в этой области.

Практика развития цифровых технологий показывает, что именно в них заключается потенциальная возможность эффективной борьбы с коррупцией не только в финансовой сфере, но и в других областях человеческой деятельности. А технология блокчейн выходит далеко за рамки финансов и имеет решающее значение в дальнейшем развитии как экономики в целом, так и отдельных отраслей производства.

Перспектива эффективной борьбы с коррупцией на базе технологий криптовалют имеет сегодня крайне важное практическое значение. Дело в том, что блокчейн [2. – С. 6] – это многоуровневая с множеством различных функций технология, позволяющая надежно учитывать все материализованные противоречия различных сфер общественной и государственной деятельности. Именно противоречия индивидуального и общественного характера являются базисной основой, на которой произрастает коррупция, распространившаяся практически на все государства мира. Блокчейн – это та технология, которая с помощью информационно-числовых методов позволяет не только изобличить это

негативное явление в финансах, экономике, зафиксировать параметры учета различных активов в государственных и коммерческих организациях, но и имеет решающее значение в борьбе с коррупцией.

Одним из самых эффективных механизмов в рамках цифровой экономики является смарт-контракт. За последний год концепция умного контракта (смарт-контракта) находилась в фокусе повышенного внимания юридических и деловых кругов. Умные контракты, которые заключаются и исполняются без участия человека, могут избавить российское общество от воровства, судебных разбирательств и коррупции.

Термин «смарт-контракт» был популяризирован ученым Ником Сзабо в статье «Идея умных контрактов», где он описал самую простую форму умного договора на примере торгового автомата. Так, машина сама контролировала соблюдение контракта: при получении платежа в нужном объеме, внесении 1,50 долларов, осуществлялась передача права собственности на товар. Расширяя свою концепцию, Сзабо предположил, что компьютерный код может быть имплементирован в гораздо более сложные транзакции [2. – С. 14].

Другими словами, умный контракт – это не печатный многостраничный документ с подписью сторон, а некий алгоритм, программа, которая позволяет избавиться от проблемы недоверия сторон, от участия третьих лиц и утечки денег. Это можно наблюдать на примере простой сделки купли-продажи. Допустим, мы хотим купить дорогостоящий, но уже не новый автомобиль. У двух сторон возникает недоверие, но в то же время отсутствует желание переплачивать третьим лицам. Решением этой проблемы является умный контракт: продавец отдает покупателю заблокированный ключ от машины, который открывается только после того, как средства поступили на счет продавца.

Теоретически прямого запрета в российском законодательстве на заключение умных договоров нет. Более того, статьей

434 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо предусмотрена возможность в некоторых случаях заключения договора путем обмена электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

Говоря о коррупции, стоит рассмотреть одну из самых уязвимых сфер – сферу госзакупок. Например, необходимо закупить парты для школы, но в закупке участвует подставная компания, которая назначила меньшую цену и выиграла тендер. После согласования поставки коррумпированные государственные служащие изменяют стоимость договора в большую сторону, например, с помощью дополнительных комиссий и сборов. Распределенный реестр не позволит провести такую махинацию с ценой после заключения контракта незаметно для остальных участников. Кроме того, будут заранее прописаны все комиссии и расходы, а дополнительные наценки вписать будет нельзя, так как пользователи распределенного реестра сразу выявят изменение исходной информации.

Сегодня смарт-контракты – это уже реальность, но популяризации использования данного способа регулирования отношений между контрагентами пока мешает отсутствие правового регламентирования их природы и особенностей, а также обычный человеческий фактор страха перед неизведанным.

Министерство финансов Российской Федерации в своем законопроекте «О цифровых финансовых активах» предлагает законодательно закрепить понятие смарт-контракта как договора в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. В законопроекте указывается, что защита прав сторон смарт-контракта

должна осуществляться по аналогии с защитой прав сторон договора, заключенного в электронной форме. С учетом полностью автоматизированной природы смарт-контрактов, в том числе в связи с невозможностью отмены транзакций, становится непонятно, как на них можно по аналогии распространить регулирование обычных договоров, заключаемых в электронной форме.

Проблемой является и оплата по таким договорам. На данный момент расчет может производиться только криптовалютой Ethereum. Учитывая, что Банк России не рекомендует использовать подобную валюту при расчетах, то вряд ли госкомпания охотно пойдут на работу по такой системе.

Также нужно учитывать, что смарт-контракты в России пока вне правового поля. Полноценными участниками экономики они должны стать до 2025 г. в рамках проекта «Цифровая экономика».

В докладе Всемирного экономического форума прогнозируется, что доля мирового ВВП, функционирующего на базе блокчейн, достигнет показателя в 10% к 2027 г. Регистрация прав через блокчейн обладает огромным потенциалом. В частности, переложение института *droit de suite* (с франц. – право следовать), привязывающего долю доходов автора к изменению стоимости его работы в будущем, на платформу блокчейн позволит нивелировать правовую неопределенность в части надежного способа информирования о фактах продажи, покупателях и цене. Лицензирование через блокчейн также открывает интересные возможности. Это идеальное средство для записи информации о фактах лицензирования и сублицензирования.

Многие официальные лица в России, в том числе Президент Российской Федерации В. В. Путин, открыто заявляют о серьезных рисках, которые могут возникнуть при использовании платформы блокчейн¹.

¹ URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 21.03.2018).

К таким рискам в силу анонимности операций относятся отмывание капиталов, полученных за рубежом; уход от налогов; распространение мошеннических схем; финансирование терроризма. В России использование криптовалют и умных контрактов законодательно не запрещено, но пока никак не регламентируется, органы государственной власти подходят к этому вопросу с большой осторожностью [8. – С. 257].

В сентябре 2015 г. Минфином было предложено привлекать к уголовной ответственности за выпуск и оборот криптовалют в России, признав их денежными суррогатами, которые запрещены в России законом № 86-ФЗ «О Центральном банке». Позднее, осенью 2015 г., Министерство финансов Российской Федерации разработало поправки в Уголовный кодекс РФ, согласно которым за выпуск и оборот криптовалют предполагалось применять уголовное наказание со сроком на четыре года, тем самым еще более ужесточив подход к наказанию за использование криптовалют в России. Однако в начале 2016 г. Банк России в лице зампреда Г. Лунтовского объявил, что такой финансовый инструмент отвергать нельзя, так как, возможно, за ним и стоит будущее¹. Затем было принято решение о создании межведомственной рабочей группы по изучению технологии блокчейн, а также выработке единой согласованной позиции касательно юридической природы умных контрактов.

Для того чтобы умный контракт был договором в правовом смысле, в нем должны быть следующие четыре существенных элемента:

- предложение и принятие (offer and acceptance);
- рассмотрение (consideration);
- намерение создать юридические связи (intention to create legal relations);
- определенность терминов (certainty of terms) [6. – С. 114].

С точки зрения российского права данный вид отношений может быть охарактеризован либо как условная сделка (ст. 157 ГК РФ), либо как договор, в котором исполнение одной стороны обусловлено исполнением обязанности другой (ст. 327.1 ГК РФ). Такой вывод следует из исходного кода такого контракта: If/then (если/то).

Умные договоры не могут быть изменены какой-либо стороной после их инкорпорирования в систему блокчейн. Соответственно, для данного вида договора невозможна ситуация неисполнения или ненадлежащего исполнения договора одной из его сторон, в том числе и в случае эффективного нарушения контракта (efficient breach theory) [6. – С. 112].

Пока умный договор – это совершенно новое явление для нашей правовой действительности. Поэтому необходимо понимать, что его включение в существующую правовую систему будет происходить постепенно, а в некоторых случаях достаточно болезненно, учитывая консервативность российских законодательных и судебных органов. В любом случае юридическое сообщество должно выработать определенные подходы (модели), направленные на интеграцию смарт-контрактов в реалии российского права.

Коррупционные правонарушения являются дестабилизирующим фактором в деятельности общества и государства. Они оказывают негативное влияние на государственное управление и в целом на общественные отношения. Коррупция ослабляет экономический рост страны, значительно снижает доверие граждан к власти и порождает ряд негативных тенденций в жизни общества: формируется круговая порука на муниципальном и региональном уровнях среди чиновников; организованная преступность не только становится неотъемлемой частью общества, но и смыкается с органами власти; происходит обнищание населения и на этой основе совершаются общеуголовные преступления и т. д. [3. – С. 387].

¹ URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения: 21.03.2018).

Не случайно о необходимости усиления борьбы с коррупцией неоднократно указывалось Президентом Российской Федерации В. В. Путиным и другими государственными и политическими лицами нашего государства¹.

Законодателем предпринимаются попытки сформулировать понятие этого негативного явления и определить нормативно-правовые контуры противодействия коррупции. Так, в действующем законодательстве под термином «коррупция» понимаются злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, либо совершение деяний, указанных выше, от имени или в интересах юридического лица [3. – С. 388].

В результате сложившихся на сегодняшний день социальных, экономических, политических и правовых условий в стране наиболее эффективными мерами борьбы с коррупцией являются не уголовные, а гражданско-правовые методы. Указанное положение находит отражение в научных исследованиях. В свое время Н. М. Коркунов отмечал, что уголовная кара не восстанавливает нарушенного права и не возмещает вред, причиненный преступником [4. – С. 694]. Ученые полагают, что процесс реализации уголовно-правовых норм достаточно сложен, а самое главное – не гарантирует ожидаемых результатов из-за отсутствия материальных и кадровых ресурсов и в целом низкой эффективности работы правоохранительной

системы, поскольку она в первую очередь подвержена «коррупционной эрозии». Особенно подчеркивается, что перекося в сторону уголовного права, уверенность, что уголовное наказание эффективно обеспечит как общую, так и частную превенцию, привели к тому, что наше право не имеет развитой системы гражданско-правовых средств противодействия коррупции [5. – С. 267].

Коррупция – многовекторное явление социальной действительности. С помощью состава преступления, по мнению специалистов-практиков (не теоретиков уголовного права), нельзя определить ее общественную опасность. С. С. Алексеев справедливо указывает на необходимость принимать во внимание в процессе действия позитивного права многообразие фактов социальной практики: экономических, политических, психологических, индивидуально-жизненных и многих других [1. – С. 39]. Мы полагаем, что правильнее было бы называть это революционным для правоприменительной практики явление не социальным составом преступления, а социальным составом правонарушения и в зависимости прежде всего от личности правонарушителя в подавляющем большинстве случаев применять гражданско-правовые меры и только в исключительных – уголовно-правовые. Также мы считаем, что, во-первых, уголовное наказание, связанное с лишением свободы, не обеспечит исправление коррупционера, а скорее наоборот – укрепит в его поведении антиобщественные установки; во-вторых, борьба с коррупцией уголовно-правовыми методами – это чаще всего видимость борьбы, поскольку не секрет, что на муниципальном уровне нередко существует круговая порука среди чиновников, которая не позволяет избличить своих и порушить монолитные ряды так называемой местничковской элиты; в-третьих, уголовное наказание, как правило, не предполагает абсолютной конфискации всего незаконно нажитого имущества коррупционера и имущества, находящегося в его родственных кланах.

¹ См.: Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2012. – 13 декабря.

Факторный ряд, обосновывающий необходимость более широко использовать гражданско-правовые меры в борьбе с коррупцией, можно было бы продолжить, но объемы статьи не позволяют этого сделать.

Нельзя не отметить и то, что коррупционная почва в нашей стране во многом предопределяется и последствиями перекосов в так называемых рыночных отношениях, возникших в 90-е гг. прошлого века. Ряд авторов указывает, что усиление социального и материального неравенства в обществе и ухудшение жизни населения повлекли за собой формирование негативного фона для совершения различного рода правонарушений, в том числе и коррупционных проявлений. Нельзя признать нормальным, когда 10% населения владеют 71% общественного богатства России.

По указанным выше и другим причинам существует необходимость в изучении и разработке действенных гражданско-правовых методов борьбы с коррупцией. Следует отметить, что под методом правового регулирования подразумевают совокупность правовых средств и способов воздействия на общественные отношения [7. – С. 48]. Однако в цивилистической науке не существует единого подхода к определению понятия гражданско-правового метода регулирования общественных отношений.

Неопределенность предмета явления предопределяет и нечеткость методов правового регулирования общественных отношений. Это подрывает основы правопорядка в обществе и государстве, способствует возникновению и развитию негативных явлений и тенденций, в том числе и коррупции. Именно поэтому четкость выделения в научных изысканиях методов гражданского права прямо предопределяет и эффективность борьбы с коррупцией.

В юридической литературе подчеркивается, что с точки зрения содержания регулятивного воздействия на общественные отношения метод гражданского права является преимущественно дозволительным [7. – С. 50]. Данная позиция находит свое

отражение в гражданском законодательстве. Однако гражданское право имеет еще и такие способы воздействия на возникающие в обществе отношения, как обязывание и запрет.

Необходимо отметить, что диспозитивность предоставляет участникам гражданских правоотношений свободу выбора поведения. Это обстоятельство является не только положительным фактором, но и отрицательным. Причина последнего заключается в том, что появляется возможность злоупотребления правом. Поэтому существует необходимость в ограничении диспозитивного метода в целях эффективного регулирования отношений, возникающих в борьбе с коррупцией. Установление границ возможностей и возложения обязанностей позволит достичь успеха как в выявлении, так и в пресечении правонарушений, связанных с коррупцией. При этом необходимо не отступать от принципа юридического равенства, соблюдение которого предоставит участникам гражданского оборота возможность использовать субъективные права и исполнять обязанности в равном положении.

С. С. Алексеев отмечает, что «правовое регулирование всегда осуществляется посредством особого, свойственного только праву механизма, призванного юридически гарантировать достижение целей, которые ставил законодатель, издавая или санкционируя юридические нормы» [1. – С. 210]. Исходя из этого можно сказать, что метод правового регулирования – это механизм, состоящий из приемов воздействия на поведение людей, цель которого состоит в том, чтобы реализовать норму права. С. С. Алексеев в своей работе также указывает на то, что ведущей чертой метода гражданско-правового регулирования являются общие юридические положения сторон [1. – С. 265]. Данное обстоятельство предоставляет участникам правоотношений равные права, обеспечивая принцип законности и давая возможность совершать любые правомерные деяния.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что ясности и четкости в определении гражданско-правовых методов в борьбе с коррупцией ни в науке гражданского права, ни на практике пока не достигнуто, как и то, что правовое регулирование майнинга криптовалют только начинает приобретать постановочные контуры в научных исследованиях. Именно это и предопределяет наш научный энтузиазм в поиске путей и способов разрешения данных проблем. На сегодняшний день нет более важной цели в деятельно-

сти нашего общества, кроме как борьбы с коррупцией. Поэтому нам представляется, что такая цель должна быть определена Конституцией Российской Федерации, что позволило бы разрабатывать принципиально новые теоретические основы в борьбе с правонарушениями и их крайними проявлениями – преступлениями, связанными с коррупцией. Очевидно и то, что справиться с этой проблемой, имеющей в своей основе объективный характер, без современного применения цифровых технологий не представляется возможным.

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. [+Справоч. том]. – Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. – М. : Статут, 2010.
2. *Винья П., Кейси М.* Эпоха криптовалют. Как биткойн и блокчейн меняют мировой экономический порядок. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017.
3. *Козюк М. Н.* Минимизация последствий коррупции как проблема законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов, Д. В. Ефременко. – Вып. 11. – Ч. 1. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. – С. 386–388.
4. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право : в 2 т. – Т. 2. Часть особенная / под ред. и с доп. М. Б. Горенберг. – 6-е изд. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.
5. *Мамитова Н. В.* Проблемы противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 261–270.
6. *Свон М.* Блокчейн: Схема новой экономики. – М. : Olympus Business, 2017.
7. *Соловьев С. Г.* Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 1 (15). – С. 47–52.
8. *Суходолов А. П., Колтакова Л. А., Спасенников Б. А.* Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. Государство и право. Юридические науки. – 2017. – № 2. – С. 258–267.

References

1. *Alekseev S. S.* Sobranie sochineniy [Collection of works], in 10 Vol. [+Reference Vol.]. Vol. 1. Grazhdanskoe pravo: Sochineniya 1958–1970 godov [Civil Law: Works of 1958–1970]. Moscow, Statut, 2010. (In Russ.).
2. *Winiya P., Keisy M.* Epoha kriptovalyut. Kak bitkoin i blokcheyn menyayut mirovoy ekonomicheskij poryadok [Crypto Currency Epoch. How Bit-coin and Block-chain Change the Global Economic Structure]. Moscow, Mann, Ivanov & Ferber, 2017. (In Russ.).
3. *Kozyuk M. N.* Minimizaciya posledstviy korrupcii kak problema zakonodatel'stva v sfere obespecheniya nacional'noy bezopasnosti [Minimization of Corruption Consequences as a Legislation Problem in the Field of National Security]. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvoitiya. Ezhegodnik* [Russia: Trends and Prospects of Development. Year-book], edited by

V. I. Gerasimov, D. V. Efremenko. Issue 11, part 1. Moscow, Institute of Scientific Information on Public Science of RAN, 2016, pp. 386–388. (In Russ.).

4. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian State Law], in 2 vol. Vol. 2. Chast' osobennaya [Special Part], edited by M. B. Gorenberg. 6th edition. Saint Petersburg, Publishing House of M. M. Stasyulevich, 1909. (In Russ.).

5. Mamitova N. V. Problemy protivodeystviya korrupcionnym prestupleniyam v Rossiyskoy Federacii [Issues of Struggling against Corruption Offences in the Russian Federation]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law], 2016, Vol. 10, No. 2, pp. 261–270. (In Russ.).

6. Swon M. Blokcheyn: Skhema novoy ekonomiki [Block-chain: Scheme of New Economy]. Moscow, Olympus Business, 2017. (In Russ.).

7. Solov'ev S. G. Ponyatie predmeta pravovogo regulirovaniya i ego vzaimosvyaz' s drugimi yuridicheskimi kategoriyami [The Notion of the Legal Regulation Subject and its Links with other Legal Categories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Perm University. Juridical Science], 2012, No. 1 (15), pp. 47–52. (In Russ.).

8. Suhodolov A. P., Kolpakova L. A., Spasennikov B. A. Problemy protivodeystviya prestupnosti v sfere cifrovoy ekonomiki [Issues of Fighting against Crime in the Field of Digital Economics]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki* [All-Russian Criminological Journal. State and Law. Juridical Science.], 2017, No. 2, pp. 258–267. (In Russ.).

Сведения об авторах

Наталья Викторовна Мамитова

доктор юридических наук, профессор кафедры
государственно-правовых и уголовно-правовых
дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Mamitova.NV@rea.ru

Джамиля Руслановна Ахматова

специалист Центра по работе с филиалами
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.

E-mail: akhmatova.dzhamilya@mail.ru

Information about the authors

Natalia V. Mamitova

Doctor of Legal Sciences, Professor
of the Department for State and Legal
and Criminal and Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.

E-mail: Mamitova.NV@rea.ru

Jamilya R. Akhmatova

Specialist of the Center for Work with Branches
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.

E-mail: akhmatova.dzhamilya@mail.ru